
АЛЕКСЕЙ СОЛОМИН

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

К 125-летию со дня рождения

До сих пор мне было известно, что Россией называлась территория в одну шестую часть земного шара, населённая народом, прожившим на ней великую историю. Может быть, по-большевистскому это не так... Прошу прощения (Он горько усмехнулся сквозь трудно подавляемое раздражение).

*Алексей Толстой
“Хождение по мукам”*

Недавно Василий Аксёнов в документальном телефильме “Красный граф”, размышляя о том, почему в жуткую сталинскую эпоху власти так лояльно отнеслись к Алексею Толстому, приходит к выводу, что большевики все годы своего правления мучались комплексом нелегитимности. Поэтому, дескать, возвращение из эмиграции такого писателя, как Алексей Толстой, было им полезно в свете неких дипломатических заигрываний с Западом. Ну, во-первых, большевикам было глубоко наплевать на какую-то там легитимность. “Диктатура пролетариата” есть прямая и принципиальная противоположность любой “слюнявой демократии”, и это надо понимать и помнить. А во-вторых, будь Алексей Николаевич такой уж важной для Запада фигурой, вряд ли он уехал бы из Парижа в “совдепию”. Конечно, большевикам желательно было заполучить известного писателя-аристократа, барина-сибарита с такою импозантно-сановной внешностью и, в то же время, с таким пониманием своего места в общем ряду. Но надо это было не для пускания пыли в глаза ненавистной буржуазии, чему доказательством являются два известных контакта В. И. Ленина с её представителями – известным писателем Гербертом Уэллсом, с кем он не спешил встретиться и кому не старался понравиться, и с мало кому известным Арманом Хаммером, коему дал карт-бланш на внешнеэкономические связи Советской России. Скорее, преуспевающий Алексей Толстой нужен был большевикам для того, чтобы следом за ним в СССР приехали и Горький, и Цветаева, и Куприн, и Конёнков, и Прокофьев. Нечего им там по границам таскаться, когда на родине найдутся дела поважнее. Хотя бы такие, как реставрация великой державы – их творческая помощь в государственном строительстве.

Так почему же до сих пор многие интеллигентствующие историки и литературоведы с каким-то смущением говорят о “беспринципности” Алексея Николаевича, вступившего в некие соглашательские отношения с тираном, монстром, извергом рода человеческого – Иосифом Сталиным? По их версии, писатель продался большевикам лишь ради вкусной еды и прочих сладостей жизни и без зазрения совести перекраивал-перелицовывал свои прежние произведения. Похоже, им до сих пор не ясно, что большевики-революционеры и большевики-правители не одно и то же. Мне думается, Алексей Николаевич это понял гораздо быстрее других своих собратьев-эмигрантов, которые, кстати, так и не смогли в Париже, столь похожем на Петербург “серебряного века”, создать себе нечто подобное довоенной жизни в России. И между собой переругались почти так же, как ныне их последователи в России постперестроечной. А таксисты и официанты из вчерашних белогвардейцев читателями оказались неважными. Меценатов тоже, как я понимаю, было не густо. Нобелевских премий на всех явно не хватало. Вот Алексей Толстой и решил воспользоваться приглашением “советов”.

Известно, что бонапартизмом чревата любая революция. И по тому, что творилось на просторах России во времена гражданской войны, если вспомнить всех главкомов, атаманов, гетманов, Октябрьская революция не исключение. Детей своих революции съедают, или отцов-оплодотворителей – не суть важно. В результате к неограниченной власти пришёл тот, кто пришёл – наиболее терпеливый, выдержанный, дальновидный, целеустремлённый, трудолюбивый, ответственный, а в итоге наиболее достойный, т. е. подходящий на эту роль государственный деятель. Хотя моралисты от политики могли бы охарактеризовать его и по-другому, назвав хитрым, коварным, твердолюбим, лицемерным, скрытным, властолюбивым и т. д. (что они, впрочем, и делают). Как бы там ни было, но История не ошибается. И в данном случае на место императора, вынужденного крепить государство после десятилетий великих ломок и переломов, она выбрала именно его. Приди к власти Колчак, Деникин, Сорокин, Миронов, Троцкий, Бухарин, Фрунзе, Тухачевский, Блюхер, Киров или кто-нибудь ещё из многочисленной плеяды революционеров, к этому времени они вынужденно стали бы контрреволюционерами и решали бы те же самые задачи, что и Сталин. Причём, я не думаю, что у них это получилось бы лучше.

А то, что иначе и быть не могло, видели многие – от Георгия Федотова до Лейбы Бронштейна. Да и Ленин как последовательный диалектик прекрасно знал, что в результате качественного скачка категории, по закону отрицания отрицания меняясь местами, превращаются в свою противоположность. И задача истинного политика не в том, чтобы гнуть свою линию, подобно тому же Троцкому, который в теории-то признавал, что за всплеском всегда следует спад, за акцией – реакция, а за революцией – контрреволюция и реставрация, а на деле продолжал стучаться лбом всё в те же ворота мировой революции. Товарищ Сталин в этом отношении уроки вождя мирового пролетариата выучил с большим успехом. И в тридцатые годы, действительно, являлся “Лениным сегодня”, что может показаться нелогичным только тем, кто “сегодня” не отличает от “вчера”. Так что Алексей Толстой приехал в Россию не только для гастрономических и прочих утех, не только для осуществления своего призвания – писать на родном русском языке, но и для того, чтобы помочь восстановлению той России, которую потеряли.

Хотя он, действительно, был сибарит, любивший жить широко. Но скажите – почему бы и нет? А то мы все только и мечтаем о чёрстве хлеба и воде, посте и молитве вместо вкусной и здоровой пищи. Её, между прочим, и товарищ Сталин, при всём его солдатском аскетизме, настоятельно рекомендовал не только своим “сатрапам”, но и всему советскому народу – строителю социализма. Давайте уж тут сами-то не лицемерить.

Что же касается “шутовства”, ёрничества и актёрства Алексея Толстого, которые ему до сих пор ставят чуть ли не в вину, то, с одной стороны, это говорит опять лишь о его жизнелюбии и оптимизме, а с другой, о смелости говорить власть имущим правду “с улыбкой на устах”. Или так шутить-чудить позволительно только действительно артистам – Сергею Эйзенштейну, Борису Ливанову, Петру Алейникову?

Цинизм? Да! Но что есть цинизм? “Наглость, бесстыдство, грубая откровенность; вызывающе-презрительное отношение к общепринятым правилам

нравственности и благопристойности” или всё-таки позиция школы философа Антисфена, отвергавшая нравственные нормы, основанные на *несовершенных* общественных установлениях и условностях, призывавших к естественному поведению, простоте, возврату к природе? Как утверждали учёные современники Алексея Николаевича, “кинники отражали идеологию неимущих классов рабовладельческого общества”. А род Толстых претерпел от русских реформ и революций достаточно для того, чтобы, в какой-то степени, попасть в число таковых. Вспомним “Манифест коммунистической партии”. Кто был наиболее ехиден и остёр в критике капитализма? Феодалы. Аристократы. Лев Толстой, между прочим, тоже моментально окрестил строй пореформенной России “рабством нашего времени” и с пренебрежением относился к парламентской республике во Франции. Да если вспомнить, то и Пушкин ничуть не стремился “зависеть от народа” (равно, впрочем, как и “от царя”). Но что говорить о наших “сумасбродах”, если даже янки Марк Твен, посмеиваясь над европейскими правителями в “Простаках за границей”, с явным удивлением и с большим уважением вспоминает о встрече в Ливадии с российским императором Александром Вторым и его семьёй?

Впрочем, род Толстых вообще, во всяком случае, в лице наиболее известных представителей, на протяжении всей своей истории, всегда отличался фрондёрством или умеренной, скорее идеологической, чем практической оппозиционностью. Что Пётр Андреевич, которого царь Пётр похлопал по лысине со словами: “Голова ты, голова, не была бы так умна, отрубил бы я тебя”; что Фёдор Иванович – “бретёр, картёжник, дуэлянт”; что “первый” Толстой – Алексей Константинович, со своим ироническим отношением и к западникам, и к славянофилам, да и к самому государю императору. Ну, а о “зеркале русской революции” и говорить уже не приходится. Заголовок “Не могу молчать” можно поставить вообще надо всем его творчеством, о чём Владимир Ильич, по сути дела, и говорит в своей знаменитой статье (название которой я так беззастенчиво переименовал для собственной).

Если же вспомнить о байке, которая повествует о том, как Олеко Дундич лично вручил пакет Будённого генералу Мамонтову в воронежской гостинице “Бристоль” и которая из романа “Хождение по мукам” перекочевала в школьные учебники, то здесь, я думаю, вина не писателя романа, а автора того самого учебного пособия для начальной школы. И напрасно, думаю, обижались родственники Мамонта Дальского на Алексея Николаевича за яркий образ лихого анархиста, которому писатель дал имя популярного трагика. Что позволено художнику-беллетристу, не позволено учёному-историку.

А насчёт “продался”?.. Алексей Николаевич, как всякий разумно мыслящий человек, прекрасно понимал и, конечно, знал тезис: “кто платит, тот и заказывает музыку”. И дело тут не в холуйстве, а в честном, добросовестном и профессиональном исполнении заказа. Этот мифотворец, сказочник и фантаст в жизни был таким несокрушимым реалистом и прагматиком, что куда там и Максиму Горькому, и Александру Фадееву вместе взятым. Впрочем, я не думаю, что Алексей Толстой, как пресловутый флюгер, “улавливал” настроения власть предержащих. Скорее, по мере возможности, исходя из текущего момента и сложившегося положения, он сам своим творчеством пытался повлиять на принятие решений вышестоящими товарищами.

Вот, скажем, Вадим Кожинов в книге “Правда сталинских репрессий”, напоминая, что Сталина и крайне правые, и крайне левые считали реставратором империи и контрреволюционером, писал, однако, следующее: “Приписывать Сталину роль инициатора того (разумеется, весьма относительного) “воскрешения” России, которое совершалось в 1930-х годах, несостоятельно уже хотя бы потому, что в течение всего послеоктябрьского времени в стране было немало пользовавшихся более или менее значительным влиянием людей, которые никогда и не отказывались от тысячелетней России – несмотря на риск потерять за эту свою приверженность свободу или даже жизнь”. И далее, назвав имена С. Ф. Платонова, Сергея Есенина, Клюева, Клычкова, Павла Васильева как наиболее приверженных этому, пишет: “. . . с теми или иными оговорками это можно сказать и о таких достаточно влиятельных в 1920-х – начале 1930-х годов писателях (пусть и очень разных), как Михаил Булгаков, Иван Катаев, Леонид Леонов, Михаил Пришвин, Алексей Толстой, Вячеслав Шишков, Михаил Шолохов, да и многих других”. Кого имел в виду Вадим Валерьянович под многими другими, я думаю, сейчас не важно. Важно то, что рядом с именем “гонимого” Михаила Булгакова стоит имя Алексея Толстого.